

Сергей Сергеевич НАРОВЧАТОВ

Советская литература понесла большую утрату. 22 июля на 62-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни скончался видный советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Новый мир» Сергей Сергеевич Наровчатов.

Сергей Сергеевич Наровчатов родился 3 октября 1919 года в г. Хвалынске Саратовской области. Он принадлежал к писателям фронтового поколения Великой Отечественной войны. Со студенческой скамьи С. С. Наровчатов ушел добровольцем защищать Родину, проявил себя стойким бойцом и мужественным военным журналистом.

Более сорока книг стихов и поэм, литературоведческих исследований, очерков и рассказов, сборников воспоминаний — «Костер», «Священная война», «Фронтная радуга», «Солдаты свободы», «Мы входим в жизнь» и многие другие — принесли С. С. Наровчатова широкое признание и любовь советских и зарубежных читателей.

Все творчество С. С. Наровчатова — образец неустанного служения делу Коммунистической партии, советского народа, родной литературе. Оно проникнуто духом партийности, беззаветного

служения Родине, глубокого лиризма. Его произведениям присущи высокая культура, широта эрудиции, эстетическая чистота и художественная выразительность ученого и художника. Своим самолюбием С. С. Наровчатов внес большой вклад в развитие советской многонациональной литературы. Много сил и энергии С. С. Наровчатова отдавал воспитанию творческой молодежи.

С. С. Наровчатова избирался членом МКК КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР, секретарем правлений Союза писателей СССР и РСФСР, возглавлял Московскую писательскую организацию, являлся членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям

при Совете Министров СССР, членом Советского комитета защиты мира.

Партия и правительство высоко оценили боевые подвиги и творческие достижения С. С. Наровчатова: он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями. За поэму «Василий Буслаев» ему была присуждена Государственная премия РСФСР им. М. Горького.

Светлая память о писателе-коммунисте, прекрасном художнике, человеке большой души Сергея Сергеевича Наровчатова навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимилин, К. В. Русаков, В. Н. Макеев, М. А. Яснов, В. Г. Афанасьев, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, Б. И. Стукалин, Е. М. Тяжелников, В. Ф. Шауро, Б. Н. Пастухов, В. И. Кочемасов, Е. К. Федоров, А. М. Роганов, Г. М. Марков, С. А. Азимов, Ч. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Т. Аскаров, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Бочу, Ю. Н. Верченко, Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, Н. В. Думбадзе, П. А. Загребельный, М. А. Ибрагимов, Е. А. Исаев, М. Канатов, В. В. Карпов, В. М. Кожевников, Ф. Ф. Кузнецов, Т. Курбанов, П. А. Куусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, С. В. Михалков, Д. Мундагалиев, В. М. Озеров, В. А. Петросян, Г. Р. Приеде, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко [М. Танк], А. А. Сурков, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, М. А. Шолохов.

Прощай... Мы встретимся
с тобой,
Прости. Сегодня твой черед...
Ты жизнь прошел от боя
и боя,
Из дальней дали пушка бьет.

Он дважды уходил на войну...
Что такое уход на вторую войну,
я знаю не из книг.

Уже умудренный суровым жизненным опытом, на склоне лет он написал великое стихотворение — «О главном», сразу же ставшее хрестоматийным. В нем все выверено и просто. Стихотворение окопное, солдатское. Это в нем он свидетельствует:

Что ни главное, ни важное,
Я не увижу сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

И это истинная правда.

Правда, под которой подпишется любой фронтовик.

Правда, в верности которой Наровчатов присягнул еще в стихах о финской войне, свято исповедовал до последнего дня жизни.

Есть такой артиллерийский термин — «беспокоящий огонь». Это когда пушки бьют от случая к случаю, так сказать, для остротки противника. В порядке напоминания. Но и от такого огня гибнут. Как и от прицельного, как и от огня пристрельного.

Разрыв дальнбойного снаряда сразу же после войны настиг

БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Недогонова, потом Гудзенко... Потом снаряды стали рваться все плотнее. Последнее десятилетие особенно жестоко своим огнем по площадям... Твардовский. Луконин. Орлов. Симонов. Многие другие — самый цвет, мозг, совесть фронтовой поэзии. Каждый из них удерживал свой рубеж до последнего патрона.

Знал ли Наровчатов, что болен смертельно? Знал. Другой бы поберегся, подстраховался — но это был бы не поэт! А поэт-солдат из последних сил, но пришел на писательский форум и произнес тихим-тихим, проникающим в сердце голосом вдохновенную речь о традициях Маяковского. Одного послабления только и испросив у аудитории — разрешения говорить сидя...

Страшно подумать... Больше ни вы, ни я не увидим, не услышим его. Вступительному слову его на съездовской комиссии по поэзии суждено было стать лебединой песней.

Суровой зимой 1939/40 года его лыжный добровольческий батальон действовал чуть левее нашего. Первое знакомство с Наровчатовым — через рукопожатие Николая Майорова. Первые совместные разговоры о сти-

хах — в семинаре А. Т. Твардовского, на I Всесоюзном совещании молодых писателей весной 47-го года. А потом — наезды в Иваново. Сперва на вечер памяти Н. Майорова, когда мы нарекали одну из улиц города именем лавшего на Великой Отечественной войне поэта. Затем поездки в Палех, с которых началась его дружба с народными умельцами.

Давние и недавние встречи в столице, в литфондовских домах творчества. Переброска письмами, переписка стихами.

Наровчатовский историзм мышления, эрудиция, высокое человеческое достоинство, широкий и просторный талант, стойкость и доброта души, его государственность и партийность покоряли всех.

С ним всегда было надежно. Он рано заступил на пост Службы поэзии, с годами взваливая на плечи все новые заботы, до последней минуты оставался верным ее позициям. Еще в 1946 году он писал:

Поэзия! Когда б на свете

белом

Я так бы бредил

женщиной земной...

Как беспредельность

связана с пределом,

Так ты, наверно,
связана со мной...

Жизнь и время подтвердили, что любовь была взаимной. И поэзия Наровчатова не наверно, а навечно останется и с нами, и с теми, кто будет после нас.

Помнится, в одном из коктейльных августов он впервые читал свой «Вечерний телефон». Стихи о том, что поэт — вечный должник, что он обязан спешить, что ему некогда разводить телефонные тары-бары.

Стихи завершались заветной строфой, в которой:

Труба подпрыгивает, заеж,

И снова я повторяю:

— Придется вам обойтись

без меня,

Застра я умираю...

После этих стихов ему было отпущено еще 14 лет. Но предчувствие состоялось: он умер как раз в тех местах, где пришли к нему эти строки, — у Черного моря, на свидание с которым он не мог не приехать, так же как и не прийти на свой писательский съезд.

А может, рассчитал траекторию?

Кто знает. Главное в том, что все, кажется, сослужено...

Но глядь, мы после смерти тоже службу служим.

Владимир ЖУКОВ

ИВАНОВО

Прекрасный русский поэт

Мне рассказывали, как выходили из внезапного окружения Луконин и Наровчатов. Луконин дернул за локоть заглядывшего Сергея в густые наши русские кусты. Сергей загляделся, оказывается, на немецкие мотоциклы.

Они вышли из окружения. Следует заметить, что два добровольца-поэта и белофинской, и Великой Отечественной не ждали, когда их позовут, а шли в числе первых.

Сергей Сергеевич Наровчатов, прекрасный русский поэт, историк и незаурядный филолог, подарил советскому читателю не только выдающиеся поэмы — «Василий Буслаев» и другие, но и тончайшие работы по «необычному литературоведению».

Чрезвычайно русский человек, Сергей Наровчатов был чистейшим интернационалистом.

В 1946 году было опубликовано его стихотворение «Костер». Во время самых подлых нападков на нашу Родину, которая тогда еще только приступала к восстановлению своего народного хозяйства, прозвучало, скажу своими словами: «Джонни Смит, эх ты, Джонни Смит...». А стихи Сергея Наровчатова о Коммунистическом манифесте, или... подумайте только, стихи о фашистском палаче, который перед народом оправдывался тем, что головы он сам не отсекал, а только просто строил гильотины...

Кто же об этом говорил? Сергей Сергеевич Наровчатов. Он говорил и о многом другом, но сегодня, в такой день, я вспоминаю его стихи на польско-русском диалекте:

Если жгучо зовется
речь... жги!

Поэзия Сергея Наровчатова жгла меня — да и не одного меня — и сегодня жжет и будет жечь всегда!

Прощай, незабвенный Сергей Сергеевич!

Вечная тебе память...

Владимир СОКОЛОВ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Смерть Сергея Наровчатова прежде всего ударила тех, кто знал его близко, — его друзей, товарищей, сверстников.

Мы знали, что он был больным человеком, но сам он жил, словно не обращая на это внимания. Поэтому его смерть оказалась все-таки неожиданной. За два месяца до него скоропостижно скончалась его жена Галина Николаевна — мы звали ее Галей, — истинный его друг и помощница, жившая по сути только им. Мы думали: «Как же он теперь без нее?» Но на этот вопрос никто даже не успел ответить. Его не стало ровно через два месяца — день в день.

Его, безоружного и пораженного горем, окликнула и догнала война. Фактически он умер от болезни, которая началась в пору его ранней молодости, с обморожения ног на финской войне, куда пошел он добровольцем. Пошел вместе с Лукониным, Кошштейном, Отрадой, Куприяновым...

Тридцать три года знал я Сергея Наровчатова достаточно близко. Наровчатова разного и одновременно цельного, общался с ним и по делу, и — чаще — просто так. Он всегда тянулся к общественной жизни, занимал различные ответственные должности, но полнее всего обнару-

жил свои наклонности на месте главного редактора «Нового мира». От этой работы он получал настоящее удовлетворение, всегда помня о своих выдающихся предшественниках.

Юрий Трифонов, тоже ушедший горько и недавно, как-то раз заметил в разговоре, что Наровчатов — превосходный читатель.

Да, он был всерьез начитан, образован, имел прекрасную библиотеку. Он читал много, углубленно, постоянно. Ему было интересно читать.

Эти его качество и страсть помогали ему не только достойно

и со вкусом вести журнал, но и обнаружить черты незаурядного критика, выступившего в начале шестидесятых с известным циклом ярких статей о поэзии, а в дальнейшем написать ряд изысканных рассказов на исторические темы.

Сергей Наровчатов — своеобразное, яркое явление нашей литературной жизни, начиная с бурных послевоенных времен. Трудно представить себе, что его нет.

Я уверен: мы не раз и по разным поводам будем вспоминать Сергея Наровчатова, как мы вспоминаем Шубина, Гудзенко, Фатьянова, Луконина, Орлова — всех, кого мы любили, кто живет в своих строчках и в нас.

Константин ВАНШЕНКИН